

и на местах; при таком подходе им, очевидно, придется не отрещиваться от эсперантской связи, а овладеть ею.

По мнению некоторых товарищей национальные языки как будто тем безопаснее в сравнении с эсперанто, что их... мало кто из советских рабочих выучит. Не ручаюсь, чтобы тов. Фин ясно представлял себе такую мысль, но иной вывод трудно сделать из его рассуждений.— „Лишние распространяться о том“, говорит он, „как подобного рода люди (враждебные ко всему революционному.—Г. Ф.) используют представившуюся им, благодаря „Эсперанто“, возможность свободного общения с рабочими Советского Союза“. Но ведь как будто эти люди, кроме эсперанто, знают еще и свои родные языки? Что ж—они не могут использовать представляющуюся им благодаря знанию французского, немецкого... и т. д. языков возможность свободного общения и пр.? И однако почему-то такой возможности тов. Фин не учитывает: не потому ли, что он в нее мало верит, т. е., мало верит в широкое распространение действительного знания иностранных языков среди рабочих?

Отыгрывание на якобы мелкобуржуазном и контрреволюционном характере эсперанто—попытка, повторяю, несостоятельная. А для каких-либо оговорок о меньшей желательности осуществления межрабкоровских связей через эсперанто нет ни малейших оснований, и от таких оговорок надо отказаться. Ибо в противном случае мы рискуем оставить пролетария вообще без языка для заграницы: а этого, говоря серьезно, не могут же хотеть наши оппоненты!

В заключение—выводы:

1. Передовым рабочим и работницам надо изучить иностранные языки, предварительно проходя элементарный курс эсперанто.

2. Международную связь рабкоров, по мере овладения иностранными языками, надо переводить на эти языки.

3. Конкретные предложения: а) редакции „Раб.-Кр. Корр.“—организовать экспертизу для установления достоинств эсперанто в качестве языка переводов;

б) ЦК СЭСР—подготовиться к проведению с осени текущего года в нескольких пунктах Союза экспериментов с целью выяснить влияние предварительного изучения эсперанто на успешность дальнейшего изучения „новых“ языков взрослыми трудящимися.

Карл Вебер

Иностранные языки или эсперанто?

(Голос немецкого межрабкора ¹⁾)

Под таким заглавием т. М. И. Ульянова опубликовала статью против нашего орудия всемирной связи эсперанто.

Аргументы, на которых т. Ульянова пыталась обосновать возражения против эсперанто настолько неудачны и путаны, что нельзя не ответить на них, тем более, что: 1) разрешение языковой проблемы в настоящее время является актуальнейшей задачей пролетариата, 2) вовсе не безразлично, возражает ли против эсперанто кто-нибудь никому неизвестный или сестра нашего незабвенного вождя революции Ильича Ленина.

„Эсперанто—язык, который не имеет будущности по самому своему характеру, по бедности оборотов, по своей упрощенности, потому, наконец, что на нем нет и не может быть скольконибудь полной литературы по разным отраслям знания“—говорит т. Ульянова. Вот новое доказательство того, как приходят к неверным выводам и ложным суждениям те, кто судит

¹⁾ Автор статьи—рабочий лесопильного завода близ Мюнхена (Германия).

о деле, не познакомившись с ним до конца. Если бы тов. Ульянова знала эсперанто, она, конечно, не имела бы причины жаловаться на недостаток оборотов. Кроме того она знала бы, что в настоящее время эсперантская литература, оригинальная и переводная, не так уж бедна и неценна, как она думает. Над пророчеством, что наш международный язык не имеет будущности, она, конечно, смеялась бы вместе с нами: она знала бы, что именно сейчас наступает век эсперанто, так как условия экономические, политические и технические для него уже существуют. В течение сорока лет эсперанто должен был бороться против всевозможных предрассудков, насмешек и даже преследований со стороны неосведомленных лиц различной среды и, однако, он победоносно вкоренился во все уголки мира, и мы можем сейчас с радостью констатировать все больший и больший его рост. Без сомнения, он бы распространился еще шире и литература на нем была бы еще богаче, если бы критикующие более серьезно занялись ознакомлением с ним вместо того, чтобы легкомысленно, издали судить и осуждать его. Как часто мы уже могли констатировать, что ярые противники эсперанто становились на его сторону, после того как они сами изучали его.

Совсем неверно, что эсперанто во внесоветских странах более распространен между мелкой буржуазией, в среде служащих, торговцев и бюрократов. Это утверждение со всей очевидностью доказывает полное незнание фактов. Пионеры эсперанто перед войной действительно принадлежали к буржуазии, главным образом ученые, учителя и врачи. Достаточно взглянуть в ежегодник UEA (Универсальной Эсп. Ассоциации), чтобы убедиться в этом. Но после войны рабочий класс всего мира взял это дело в свои руки. Надо отметить, например, что до войны в Мюнхене было лишь 5 эсперантистов — рабочих, а сейчас местная группа имеет 90 членов и 120 учащихся. Кроме того в пригородах Мюнхена имеется 5 рабочих групп. Во всех этих группах с осени прошлого года начались новые курсы и ведется переписка с заграницей (наиболее оживленно с товарищами из Сов. Союза). Мы можем также осведомить читателей, что большинство членов наших групп — коммунисты, красные фронтовики, безбожники. Я лично являюсь руководителем наших местных групп МОПР^а и безбожников. В нашей коммунистической газете „Neue Zeitung“ („Новая газета“) появляется много интереснейших писем эсперантистов из Советского Союза.

Тов. Ульянова упоминает о факте, что язык эсперанто употребляют во вред Советскому Союзу и рекомендует учить национальные языки. Конечно, нельзя избежать того, чтобы какой нибудь фанатик — социал-демократ не злоупотребил языком эсперанто в этом отношении. Но разве можно избежать подобного рода вещей путем национальных языков? Разве интеллигенты, знающие более одного национального языка не во много раз более злоупотребляют этим своим знанием во вред Советскому Союзу? Посредством каких языков в течение долгого времени распространяются ложные сведения о Советском Союзе: посредством национальных языков или эсперанто? Если бы тов. Ульянова жила в нашем районе, она имела бы возможность убедиться, сколько хлопот и стараний именно нам, рабочим эсперантистам, приходится брать на себя, чтобы противодействовать смущающей многих лжи нашей реакционной буржуазной прессы¹⁾, и не мало рабочих обращается к нам, чтобы узнать правду о жизни в Советском Союзе. Факт, что у нас много националистов выступает против эсперанто, называя его языком большевиков. А в таких странах, как Болгария, Венгрия, Италия и т. п. при терпимом отношении к самому языку рабочие эсперантские организации воспрещаются, так как известно, что эсперанто крепко связывает между собою революционный пролетариат всего мира.

¹⁾ Печатаемой на немецком языке, а не на эсперанто.

„Не целесообразнее ли изучать вместо эсперанто иностранные языки“? спрашивает тов. Ульянова. Если рабочие в Советском Союзе имеют достаточно времени и денег, чтобы изучать иностранные языки **успешно**, т.-е. так, чтобы действительно иметь возможность хорошо связаться с иностранными корреспондентами, мы, эсперантисты, не возражали бы. Но мы должны резко подчеркнуть, что уверение тов. Ульяновой, что среднеобразованный рабочий уже через 3—4 месяца изучения иностранного языка, может многого достигнуть, является, вежливо говоря, чрезвычайно рискованным.

Но если бы даже тов. Ульянова была права, в какой мере знание **лишь одного** из иностранных языков могло бы удовлетворить рабочих? Не во много ли раз более ценно общаться посредством одного всеобщего языка с товарищами из самых различных стран вместо того, чтобы с огромным трудом изучать в течение годов (ведь достаточное знание иностранного языка требует не несколько месяцев, а несколько лет усерднейшей работы) иностранный язык, чтобы потом иметь возможность сноситься лишь с весьма ограниченным числом стран? Зачем тратить огромное время и деньги на изучение языка, который можно применить лишь для сношений с одной—двумя странами, если мы уже имеем возможность при затрате ничтожного времени и средств посредством эсперанто переписываться со всеми странами мира?

Конечно, было бы чрезвычайно полезно, чтобы во всех странах уже в народных школах изучались иностранные языки для того, чтобы и простые рабочие и крестьяне имели возможность изучать иностранную литературу и науки в подлиннике. Но для того, чтобы это осуществить не достаточно желать этого, но нужно уничтожить господствующий класс, опрокинуть капитализм.

Поэтому в первую очередь дело идет не об изучении иностранной литературы, но о самой острой и неотложной необходимости собрать, объединить во всем мире борцов за осуществление нашей цели, за установление социализма. Изучение международного языка такому силовению безусловно содействует. И надо иметь в виду, что таким языком, конечно может быть только язык, который пролетарий может действительно **выучить** в короткое время и действительно **практически** применить. **А таким языком может быть только эсперанто.**

Всюду в мире реакционный капитализм мобилизует своих наемников, чтобы взорвать Советское государство и приготовить таким образом последний удар против всемирного пролетариата. Поэтому мы, пролетарии, не должны оставлять неиспользованным единственное действительно орудие международной связи рабочих — эсперанто, но серьезно изучать его, чтобы использовать его для скрепления непобедимого единого фронта труда. Посредством нашего международного языка мы братски связываемся между собою, протягивая друг другу руки через границы государств.

Да здравствует Республика рабочих и крестьян.

Да здравствует единый фронт всемирного пролетариата.

Да здравствует эсперанто — орудие связи рабочего класса.